

Максимилиан и Хуарес

Джаспер Ридли

[Maximilian & Juarez](#) by Jasper Ridley

7. Наполеон III передумал

Хуарес, победив в Войне Реформ, вступил в Мехико-Сити утром 11 января 1861-го года, и был встречен жителями с огромным энтузиазмом. Прежде чем он покинул Веракрус, Роберт Маклейн убеждал его показать сдержанность в его победе и проявить милосердие к побежденным противникам, и европейские дипломаты в Мексике давали ему такие же советы, как и американский посол. Его сторонники, помня Бойню в Такубайя и другие зверства консерваторов, не испытывали такого великодушия; но сторонники консерваторов и иностранцы, которые были приятно удивлены хорошим поведением войск либералов после того как они захватили Мехико-Сити, испытали облегчение, обнаружив, что когда правительство Хуареса пришло к власти, не последовало никаких зверств по отношению к заключенным консерваторам, ни ускоренного судопроизводства и казней, ни гильотины, ни расстрелов.

Хуаресу было легче продемонстрировать сдержанность, поскольку большинство самых ненавистных лидеров консерваторов бежали. Мирамон ушел в подполье и тайно пробрался в Веракрус, где он поднялся на французский вокнный корабль, который с Мирамоном на борту крейсировал вдоль мексиканского побережья. Французский капитан отказался выдать его либеральным властям в Веракрусе или британским военным кораблям, находившимся там, хотя и британское правительство хотело допросить его по поводу кражи денег из британского представительства в Мехико-Сити. Французский военный корабль доставил Мирамона в Гавану. Сулоага и Маркес тоже бежали из Мехико-Сити и отправились на Мичоакан, где они организовали вооруженные отряды и вели партизанскую войну в горах, менее чем за сто миль от столицы.

59

Некоторые лидеры консерваторов поехали в Европу, чтобы присоединиться к Гутьерресу де Эстрада и Идальго. Посол Мирамона в Париже, генерал Альмонте, также присоединился к мексиканским беженцам когда правительство Мирамона пало. Альмонте был незаконным сыном священника Морелоса, который возглавлял восстание в 1811-м году. Он начал свою политическую деятельность как либерал, но потом он присоединился к армии, поддерживавшей Санта-Анну, и был с ним рядом во время резни защитников Аламо, и вместе с ним попал в плен под Сан-Хасинто. Он был военным министром в правительстве президента Бустаманте в 1840-м году, когда Гутьеррес опубликовал свое письмо к президенту в поддержку конституционной монархии в Мексике. В тот момент

Альмонте издал приказ по армии, обвинив Гутьерреса в измене, но теперь эти два человека были союзниками в борьбе против Хуареса.

Одному видному лидеру консерваторов бежать не удалось. Муж сестры Мирамона, Исидоро Диас, который был членом правительства Мирамона, был схвачен и приговорен военным трибуналом к расстрелу за измену. Его жена и семья просили Хуареса его помиловать. Хуарес помиловал его и дал знать, что он рассматривает возможность амнистии для всех, кто поддерживал Мирамона. Это вызвало сильное возмущение среди либералов, в особенности в революционных клубах, которые подражали клубам якобинцев и кордельеров в Париже 1792-го года. Митинг клубов в университете Мехико-Сити, в котором участвовало 5 000 членов, послал делегацию к Хуаресу с протестом против размеров амнистии и помилования Диаса. Франсиско Сарко, блистательный редактор либеральной газеты *El Siglo XIX* (Девятнадцатый век) писал, что если Диас будет помилован и амнистия дана всем реакционерам, то “прощай справедливость, прощай свобода, прощай общественный порядок.”

В результате протестов Хуарес отменил помилование Диаса и амнистию. Но Диас не был казнен, он оставался в тюрьме, и не было предпринято никаких шагов, чтобы арестовать других консерваторов, которые мирно жили в Мехико-Сити и на остальных территориях, контролируемых правительством либералов.

Либералы, как многие революционеры и члены левых партий, враждовали между собой. Многие критиковали Хуареса из-за амнистии, и также критиковали его и Окампо за то, что они хотели уступить мексиканскую территорию Соединенным Штатам по соглашению Маклейн-Окампо. Деголладо, сам будучи под подозрением из-за того, что ушел с поста главнокомандующего в разгаре войны, заявлял, что он показал больше храбрости, чем Хуарес, так как когда Мирамон обстреливал Веракрус, он, в отличие от Хуареса, не бежал в поисках убежища в Сан-Хуан-де-Улуа.

60

Окампо считал, что эти ссоры были неизбежны. “К сожалению партия либералов по существу склонна к анархии”, - писал он, - “и останется такой на много тысяч лет. Критерием для наших врагов является авторитет... Они подчиняются слепо и единообразно, в то время как мы, получив приказ, если нам не объяснят как и почему, мы ропщем и исполняем его кое-как если не отказываемся его выполнять вообще и оказываем сопротивление.”

В течение гражданской войны Хуарес действовал в качестве президента республики согласно конституции потому что он был председателем Верховного суда; поскольку теперь можно было провести выборы, он должен был выставить свою кандидатуру на пост президента. Ортега, который привел либеральные армии к победе, вышел из правительства Хуареса и боролся с ним во время выборов президента. Лердо

тоже был кандидатом, но он умер во время избирательной кампании. Хуарес был избран, получив 5 289 голосов выборщиков против 1 989 у Лердо и 1 846 у Ортеги; но Конгресс утвердил победу Хуареса только 61 голосом против 55. Ортегу избрали председателем Верховного суда и он, таким образом, должен был стать президентом в случае недееспособности Хуареса.

Окампо, сознавая непопулярность его соглашения с Маклейном, и желая посвятить больше времени своей образцовой ферме в Патео около Мараватио, ушел с поста министра иностранных дел. Хуарес назначил вместо него Сарко, и Окампо отправился на свою ферму, которую он не видел все годы гражданской войны. Хуарес убеждал его вернуться в Мехико-Сити и исполнять обязанности депутата в дебатах в Конгрессе. Он предупредил Окампо, что ему может угрожать опасность со стороны отрядов повстанцев Маркеса, которые действовали в горах Мичоакана, вблизи Мараватио. Но Окампо остался со своими дочерьми в Патео.

30-го мая 1861 года дочери поехали на вечеринку в Мараватио, оставив Окампо в доме с несколькими слугами. В конце дня небольшой отряд всадников показался в Патео; их вел капитан Кайига [Cajiga], испанец, присоединившийся к отряду Маркеса. Окампо пригласил их выпить, но они отказались и приказали Окампо сесть на лошадь и ехать с ними. Когда они проезжали через Мараватио, Окампо попросил разрешения повидаться с дочерьми, но Кайига отказал. Через два дня они достигли деревни Упанго, где Кайига передал Окампо Сулоага и Маркесу, который там разместил свою временную штаб-квартиру.

Когда жители Мараватио увидели, что Окампо везут через город как пленника, они сразу сообщили об этом Мехико-Сити. *El Siglo XIX* озвучило возмущение либералов, обвиняя “солдатов религии” Маркеса в том, что они хуже диких племен Апачей и Команчей, которые похищают женщин и детей. Газета потребовала чтобы Маркесу было отправлено сообщение, что если он не освободит Окампо, наиболее видные консерваторы в Мехико-сити будут расстреляны; если Маркес потребует выкуп за Окампо, деньги для этого будут собраны с тех, кто поддерживает консерваторов. Правительство приказало арестовать мать Маркеса и жену Сулоага как заложников за Окампо. Мать Маркеса бежала, но жену Сулоага схватили. Ей не причинили вреда, но сказали написать Сулоага, чтобы узнать какой выкуп хотят получить за освобождение Окампо.

61

Маркес и Сулоага ждали в Упанго двадцать четыре часа, затем, взяв с собой Окампо, переместились в Тепеи дель Рио, куда они прибыли утром 3 июня. Там Окампо сказали, что он будет расстрелян. Его охранники предложили ему исповедника, но Окампо отказался от исповеди; он сказал священнику, что ему не нужна его помощь для того, чтобы примириться с Господом. Они дали Окампо время подготовить завещание, и потом в два часа дня небольшой отряд выехал с Окампо из Тепеи дель Рио на запад. Когда они

достигли поляны [clearing in the wood], командир приказал Окампо спешиться. Как только он это сделал, солдаты выстрелили ему в голову и в сердце с такого близкого расстояния, что лицо Окампо почернело от пороха. Они привязали ему веревку под мышками и повесили труп на дереве, где на следующий день его нашел посыльный, которого Хуарес отправил заплатить выкуп за Окампо.

Тело перевезли в Мехико-Сити и похоронили без религиозных обрядов, как хотел Окампо; на похоронах огромные толпы либералов требовали отомстить “подлому зверю Такубайи, мерзкому Леонардо Маркесу” и всем реакционерам. Маркес и Сулоага опубликовали заявление, в котором отвергали всякую ответственность за смерть Окампо и утверждали, что Кайига похитил его без их согласия; но им никто не поверил. *El Siglo XIX* осудило поведение церкви, всегда готовой обвинить правительство либералов если гражданские власти признавали законными внебрачных детей священника, но не произнесли ни слова осуждения по поводу убийства Окампо. Циркулировали слухи, что либералы в ярости собираются штурмовать тюрьмы и линчевать Исидоро Диаса и некоторых других консервативных заключенных; европейские посланники в Мехико-Сити убеждали Хуареса предотвратить такую жестокость. Хуарес сообщил им, что уже послал одного из своих самых молодых командиров, генерала Леандро Валле, охранять тюрьмы и защищать заключенных от толпы.

Генерал Деголладо, возмущенный убийством Окампо и видя возможность восстановить свою репутацию, запросил у Конгресса разрешения повести армию, которая уничтожит Маркеса и его повстанцев. Правительство и Конгресс дали свое разрешение, и он вышел из Мичоакана с небольшим отрядом, состоявшим в основном из неопытных новобранцев. Когда они вступили в горы, они сразу попали в засаду, подготовленную Маркесом. Большинство людей Деголладо бежали, и сам Деголладо был схвачен, пытаясь бежать, и был немедленно расстрелян.

62

Когда жутко изувеченное тело Деголладо привезли обратно в Мехико-Сити, молодой генерал Валле вызвался отомстить за Деголладо и Окампо. Он повел отряд из восьмисот человек в горы у Мичоакана, но когда он достиг места примерно на расстоянии мили от точки, где был убит Деголладо, он тоже попал в засаду. Многие из его людей были убиты. Его самого схватили и привели к Маркосу, который сказал ему, что у него есть полчаса прежде чем он будет расстрелян. Валле ответил, что если бы он поймал Маркоса, он бы отвел ему три минуты.

На месте казни Валле было сказано, что его убьют выстрелом в спину, как изменника. Он спросил, кого он предал; ему ответили, что он предал религию. После того как в него выпустили семнадцать пуль, его труп повесили на дереве. Маркос отпустил остальных пленных либералов, которых он захватил, и сказал им вернуться в Мехико-Сити и предупредить либеральных лидеров, что он поступит с ними, и всеми, кто

приобрел конфискованные церковные земли, так же как он поступил с Валле. Менее видных либералов он заставит работать на восстановлении монастырей, разрушенных либералами.

Генерал Ортега взял на себя командование новой армией, отправленной против Маркоса. Его заместителем был генерал Порфирио Диас, отличившийся в нескольких сражениях Войны Реформ. Ортега, более осторожный, чем Деголладо и Валле, избежал всех засад, для него приготовленных, и вынудил партизан Маркоса рассеяться и бежать в отдаленные районы. Многие из партизан были схвачены, включая похитителя Окампо Кайигу, и всех их немедленно расстреляли, но Маркос и Сулоага ускользнули. Из своей штаб-квартиры в горах Маркос смог вступить в переписку с отцом Мирандой, а через него - с Гутьерресом и его друзьями в Париже, которые поздравили Маркоса с его успехами.

У либерального правительства была еще одна проблема: как заплатить иностранным кредиторам и успокоить правительства, требовавшие удовлетворения для своих подданных? Мексика была на грани банкротства, и платить не могла. И теперь иностранные правительства настаивали, чтобы Хуарес отдал все долги, сделанные Мираном во время гражданской войны - выплатил компенсации за все займы, предоставленные под давлением Миранона, за собственность иностранцев, которая была конфискована, за деньги британских подданных, которые Маркос украл из британского посольства, и совершенно несоразмерные суммы денег, которые Миранон согласился платить Жеккеру и держателям его долговых обязательств.

63

Это было правилом международного законодательства, и Пальмерстон и другие европейские правительства всегда настаивали на нем, когда имели дело с отсталыми нациями, что правительство страны было ответственно за долги и действия предыдущих правительств, и за действия тех своих граждан, которые совершили противоправные действия [outrages] по отношению к иностранцам, даже если эти предыдущие правительства и граждане были их политическими оппонентами. Но мексиканских либералов, так сильно пострадавших от рук своих консервативных врагов, трудно было убедить, что теперь они должны вынести еще большие лишения ради того, чтобы компенсировать иностранцам злодеяния консерваторов, в особенности учитывая, что иностранцы пострадали от консерваторов меньше, чем сами либералы.

Правительство Хуареса попыталось договориться о выплате долга с британским и французским правительствами. Оно не предприняло никаких усилий достичь договоренности с Испанией, поскольку испанский посол в Мексике открыто принял сторону Миранона во время гражданской войны. Хуарес, обвинив его в тайных контактах с лидерами консервативных партизан, выслал его, так же как и папского нунция и посла Гватемалы. Но посол Британии, сэр Чарльз Уайк, не вел себя безрассудно. Он был готов

предоставить рассрочку для выплаты долгов британским кредиторам, а также простить часть долга.

С французским послом, Пьером Альфонсом Дюбуа де Салиньи, было сложнее. Кроме того что он выражал интересы враждебного правительства, он был высокомерный человек, вступавший в споры с остальными представителями европейских стран в Мексике в не меньшей степени, чем с министрами правительства Хуареса. За двадцать лет до этого, когда он был французским послом в Техасе во время его краткого периода независимости, он преувеличил значение инцидента - его свиней убил сосед в Техасе во время спора о границах их участков - до такой степени, что это чуть не привело к войне между Францией и Техасом. Очень консервативно настроенный, он использовал любую возможность чтобы затеять ссору с либеральным правительством. В апреле 1861-го года он написал письмо министру иностранных дел Франции о том, что "учитывая состояние анархии, иди, скорее, распада общества, преобладающее в этой жалкой стране", сильное соединение кораблей следует немедленно послать к берегам Мексики, "чтобы обеспечить наши интересы".

Но даже Салиньи, казалось, был близок к достижению соглашения по французским претензиям и облигациям Жеккера с Мануэлем Самакона, сменившем Сарко на посту министра иностранных дел после очередной перетасовки правительственных постов. Затем 17-го июля мексиканский Конгресс принял резолюцию, приостанавливающую выплату процентов всем иностранным кредиторам и держателям долговых обязательств. Самакона, предвидя возможные катастрофические последствия этой провокации, убеждал Хуареса наложить вето на эту резолюцию. Хуарес отказался; он был уже достаточно непопулярен среди либеральных экстремистов, и он не решился бросить вызов страстным обвинениям жадных иностранных кредиторов либеральными депутатами в Конгрессе и авторами либеральной прессы.

64

Как только Салиньи узнал о резолюции, приостанавливающей выплату интереса, он разорвал переговоры с Самакона и приготовился покинуть Мексику. Самакона просил его подождать несколько дней, надеясь, что решение Конгресса отменят, но тот отказался. Сэр Чарльз Уайк тоже выразил протест против резолюции, И, хотя он и оставался там дольше, чем Салиньи, он тоже покинул Мехико-Сити.

Европейские державы были расположены занять твердую позицию по отношению к правительству Хуареса в силу новостей, полученных ими из Вашингтона. в 4:30 утра 12-го апреля артиллерия Конфедератов в гавани Чарльстона открыла огонь по гарнизону армии Соединенных Штатов в Форте Самтер, который сдался после 36 часов обстрела. Началась американская Гражданская война. Три месяца спустя, 21-го июля, армия

Северян из 18 000 солдат вышла из Вашингтона, намереваясь захватить столицу конфедератов в Ричмонде, в 115 милях к югу. Они встретили армию Конфедерации в Булл-Ране, Вирджиния.

Много гражданских лиц поехали из Вашингтона смотреть первое сражение войны. Некоторые взяли с собой корзинки для пикника, а некоторые дамы зашли в штаб-квартиру армии, надеясь побеседовать, во время перерывов в бою, с офицерами, которые были их партнерами в танцах на полковых балах. Присутствие зрителей с корзинками для пикника на поле боя было в те времена обычным делом; зрители приезжали в Крым и в Италию смотреть сражения на Альме и при Сольферино. Одним из зрителей был мексиканский консерватор Рафаэль Рафаэль, который жил в Нью-Йорке. Он приехал в Вашингтон смотреть сражение.

Армия северян встретила гораздо более яростное сопротивление, чем предполагала, и в беспорядке отступила в Вашингтон, при этом гражданские зрители отступали даже быстрее солдат. Рафаэль вернулся в Нью-Йорк и написал своему другу генералу Альмонте в Париж, что он убежден, после того, что видел в Булл-Ране, что Север был слишком некомпетентен, а Юг - слишком слаб, чтобы победить в гражданской войне; если бы у армий южан были достаточные ресурсы, они бы захватили Вашингтон после сражения у Булл-Ран. Так что война, вероятно, закончится тупиком и компромиссным миром, но каков бы ни был окончательный итог, она продлится годы, не месяцы. Для мексиканских консерваторов это был наилучший возможный сценарий. Альмонте поспешил сообщить хорошие новости своим коллегам в Европе.

65

В сентябре 1861-го года Идальго поехал в Биарриц, так как он знал, что Наполеон III и Евгения будут там находиться. Евгения пригласила его на обед на вилле Евгения. После обеда она присела у небольшого столика с двумя из ее дам, и он к ней присоединился. Понизив голос, он сказал ей, что только что получил письмо с конфиденциальной информацией о том, что Британское и Испанское правительства рассматривают вопрос посылки военно-морских сил в Веракрус с целью взять под контроль таможенную и собирать таможенные сборы до тех пор, пока долг английским и испанским кредиторам не будет выплачен. Евгения встала и пригласила Наполеона III, который вошел в комнату, читая письмо, которое он получил от короля Сиам. Она сказала Идальго: "Скажите императору то, что вы только что сказали мне."

Идальго рассказал ему, и как всегда просил вмешаться, чтобы помочь угнетенному народу Мексики. Наполеон III сказал, что американская Гражданская война полностью изменила ситуацию. Если Британия и Испания его поддержат, он пошлет экспедиционный корпус в Мексику; вначале он использует только флот, но если сложится впечатление, что мексиканский народ этого желает, он поможет свергнуть правительство Хуареса и сделать

одного из европейских принцев как императором Мексики. Да, теперь он был готов сделать то, в чем Гутьеррес и Идальго убеждали его так много лет.

Но кого они должны сделать императором Мексики? Это не может быть испанский принц, поскольку испанцев в Мексике ненавидят, и мексиканцы будут опасаться, что этот шаг приблизит Мексику к тому, чтобы снова стать испанской колонией. Это не может быть член семьи Бонапартов, поскольку великие державы, в особенности Британия, не согласятся с включением Мексики в состав Французской империи. Избранный кандидат должен быть католиком. Как насчет одного из менее значительных принцев или эрцгерцогов из династии Габсбургов - герцога Моденского или эрцгерцога Райнера?

“Конечно, есть эрцгерцог Максимилиан”, - сказала Евгения, - “но он не примет предложения”.

“Нет”, - сказал Идальго, - “он примет предложение.”

Наполеон III согласился. “Он несомненно не примет предложения.”

Наступила короткая пауза, в течение которой Евгения встала, и стояла, постукивая себя веером по груди. Потом она сказала: “Знаете что? Что-то мне подсказывает, что он *примет* предложение.”

8. [Поход в Веракрус](#)

[Оглавление](#)